

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XVII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПОСВЯЩЕННЫЙ
80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. СЕМЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад—1953

Н. Н. ЕРШОВ

„ТҮИ ГУЛДОР“ У КЫСТАКОЗСКИХ ТАДЖИКОВ

Настоящая статья представляет собою описание «тӯи гулдор» — «туя с цветком» — семейного праздника по поводу обрезания сына, устраивавшегося в былое время в селении Кыстакоз, той же волости, б/ Ходженского уезда, Самаркандской области, теперь носящего название посёлка Чкаловск,¹ Ленинабадского района, одноимённой области, Таджикской ССР. Описание сделано на основании сведений, собранных автором опросным путём во время полевых работ в указанном селении в 1951 и 1952 гг.

«Тӯи гулдор» приурочивался к наиболее свободному от сельскохозяйственных работ сезону — к зиме и ранней весне. В народе сохранилось немало воспоминаний о том или ином «тӯи гулдор» и о событиях, его сопровождавших. Последний «тӯи гулдор» устраивался в январе 1924 года, но был прекращён 21 января — после получения известия о смерти В. И. Ленина.

В литературе описания «тӯи гулдор» не имеется, за исключением, разве, глухого упоминания о нём по Узбекистану у А. Л. Троицкой, по словам которой «у баев празднество обрезания принимало грандиозные размеры и выливалось в массовые народные гулянья — ярмарки».²

В. И. Масальский в своей до сего времени не потерявшей значения работе «Туркестанский край» тоже очень кратко говорит об устройстве состоятельными лицами из местного населения «пирушек» с пляской, пением и театром по случаю семейных событий, в том числе и обрезания ребенка, обходившихся иногда устройтелю в тысячи рублей.³

Н. С. Лыкошин несколько подробнее, но тоже весьма неполно описывает шествия на некоторых туях богатых людей уже на территории современного Таджикистана. Так, описывая процессию на туе, устроенной казием г. Ходжента Саид-Ахмадом, автор упоминает группы танцоров, ряженных, всадников на искусственных конях, взвод каких-то воинов с деревянными мечами, за которыми люди в костюмах «из арабских сказок» несли обитые разноцветными материями носилки в виде киосков, а за ними, после некоторого перерыва, несли на помосте большую, «сажени в полторы», фигуру богатыря Рустама в чалме, зелёном бархатном халате и с золотым мечом у пояса. Потом опять шли

¹ Посёлок Чкаловск, расположенный в 9 км. восточнее жел.-дор. станции Ленинабад, представляет собой крупный массив сплошного таджикского населения, окружённый со всех сторон кишлаками с тюркоязычным населением.

Нетаджикское население Чкаловска, составляющее теперь около 7-8% всего населения посёлка, не является коренным населением и появилось здесь за последнее сравнительно время.

² Троицкая А. Л. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане, Советская этнография, № 3, 1948, стр. 75.

³ См. Масальский В. И., Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 402.

плясуны, опять несли носилки, а шествие заключал конный эскорт одетых в парчевые халаты ребят.¹

Обычай устройства праздника по случаю обрезания весьма древний. Так, мы встречаем упоминание о празднестве в ознаменование совершения обряда обрезания над царевичами, которое устраивал самаркандский правитель Абу Сеид в окрестностях города в 1462 году. Тогда были сооружены многочисленные киоски, павильоны и палатки для увеселений, ремесленники устроили разнообразные забавы, а мастера и художники соорудили и разукрасили множество разнообразных фигур.²

Нам кажется, подробное описание художественного оформления театрализованных действий и игр, сопровождавших «туи гулдор» у таджиков б. Кыстакоза, представляет интерес как материал к истории таджикского народного театра, ибо зрителями этих действий и игр являлись широкие народные массы, а исполнителями — либо профессионалы-актеры, либо любители отнюдь не из высших слоев тогдашнего общества, художниками-оформителями же материальной части торжественных процессий были ремесленники, вроде столяров, изготавливавших макеты чудовищ и богатырей, или «устои гулбур» — мастера, изготовлявшего самый «гул» — деревцо с цветами, листьями и изображениями птиц и пр. Ценность излагаемого материала значительна также и потому, что устройство подобных процессий с театрализованными действиями давно уже отошло в область прошлого и о них теперь помнят лишь немногие очевидцы весьма преклонного возраста, а через десяток лет сведений об этом собрать будет невозможно.

Устройство семейных празднеств с широким приглашением односельчан, наблюдаемое и до сего времени, повидимому, имеет свои корни в родовой общине, когда жители селения были связаны родственными отношениями. В Кыстакозе, например, на семейные празднества по поводу обрезания сына или свадьбы и сейчас еще приглашают часто очень большое число гостей, независимо от того, являются ли они родственниками организаторам празднества или нет. Иногда на туи приглашается все взрослое население джуйбора,³ в котором проживает организатор туя (сохиби туй), а иногда даже и население всего посёлка.

В городе, т. е. в б. Ходженте, теперь Ленинабаде, в сфере культурного, хозяйственного и административного влияния которого был Кыстакоз, наблюдалось несколько другое положение при приглашении на семейные празднества. Там существовал обычай приглашения на выбор («чиндонак»), обусловленный может быть городскими условиями, когда, с одной стороны, родственники живут уже территориально более рассеянно, а с другой стороны, классовое расслоение городского населения исключало возможность приглашения на празднество всех без разбора. В более патриархальном Кыстакозе такой метод осуждался. «Обычай ходжентцев был плохим, они приглашали людей на выбор, смотря по их общественному положению», говорили об этом наши осведомители из Кыстакоза.

¹ См., Лыкошин Н. С., Пол-жизни в Туркестане. Петроград, 1916, стр. 344-345.

² См. Беленицкий А. М., Участие ремесленников в празднествах. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, II, Л., 1940, стр. 200.

³ Джуйбор значит оросительный канал. Этим термином в Чкаловске назывались отдельные части селения (числом 4), которые были расположены каждая по течению своего оросительного канала, питавшего водой их земли.

Естественно, что отношение устроителей праздника к своим гостям до революции, в условиях классового расслоения деревни, не было одинаковым. В то время, как состоявшие в отдалённом родстве, а иногда и совсем чужие, но богатые и знатные люди были в центре внимания, им предоставлялись самые почётные места, давалось лучшее угощение и преподносились дорогие подарки, близкие, но бедные родственники должны были довольствоваться возможностью хотя бы один раз наесться досыта, да и то за это приходилось услуживать гостям, колоть дрова, носить воду на кухню и выполнять другую чёрную работу. Про бедных же жителей селения, не состоявших в родстве с устроителями праздника, и говорить нечего. Приглашения им делались чисто формально, а если они и приходили, на них смотрели, как на нежелательных нахлебников.

Задумавшие устроить «тӯи гулдор» прежде всего устраивали семейный совет, после которого советовались с местной администрацией — волостным управителем — «булус» и другими наиболее влиятельными лицами селения. Получив их одобрение, устроитель туя за получением разрешения на устройство праздника ездил в Ходжент к правителю — «хоким» (после присоединения края к России этим термином называли уездного начальника). Разрешение последнего считалось необходимым для снятия с устроителя туя ответственности за все потери и убытки, которые могли понести жители селения в дни праздника. Например, иногда в эти дни, когда всё взрослое население и дети уходили на увеселения, а дома оставались одни младенцы да немощные старики или старухи, бывали случаи ограбления домов. Точно также в толчее, сопровождавшей празднование «тӯи гулдор», на козлодранье и скачках, во время борьбы и пр. возможны были несчастные случаи.

Получив разрешение, устроители приглашали из Ходжента специального мастера — «устои гулбур», которому поручалось сооружение трёх декоративных деревьев — «гул» с проволочными ветвями, на которых из шёлка делались изображения попугаев (тӯтӣ), разноцветных птичек «саъба» (араб.—щегол), похожих на розу цветов (гулхои ғӯза-ғӯза ба тахлити садбарг) и пр.

Каждое дерево состояло из деревянного ствола высотой около двух метров и толщиной в руку у локтя (банди даст бин ғафс), укреплённого на подставке в виде табуретки с четырьмя заострёнными ножками (гулмех), которые втыкались в землю при установке дерева на месте.

В стволе, начиная с высоты около 75 см. от земли, буравчиком просверливались дырочки, в которые вставлялись «ветки» из толстой проволоки, обмотанной цветным шёлком, причём ветки делались снизу подлиннее, а чем выше, тем короче, вроде как у ёлки. К этим веткам прикреплялись «веточки» из более тонкой проволоки с навязанными на них листьями, цветами, изображениями птиц. Листья, цветы и птицы делались тоже из окрашенных в разнообразные цвета шёлковых ниток, пучки которых пропускались между двумя перекрученными проволочками и потом подстригались, вроде того, как подстригают ковровый ворс, и походили на игрушки из так называемой синели. Для большего блеска изготавливавшиеся веточки цветов и изображений птиц и пр. украшались канителью — золотыми и серебряными нитями, называемыми по-таджикски «калобатун».¹

¹ Одна из чкаловских старух-таджичек рассказывала, что она видела «гул» в витрине магазина в Сталинабаде, который, несомненно, был ёлкой, т. к. видела она его в декабре.

Очень интересно, что описание похожего на наши «гул» дерева мы находим у Клавихо, который, описывая обстановку «палатки без веревок» старшей жены Тимура царицы Каныю, пишет: «Перед этим блюдом или столиком стояло золотое дерево, сделанное на подобие дуба; ствол его был толщиною в человеческую ногу; на нём было много ветвей, с листьями, как у дуба, которые выходили из него и расходились в разные стороны; вышиною оно было в рост человека и росло над блюдом, которое стояло подле него, а плоды его были из жёлтых рубинов, сапфиров и удивительно крупных жемчужин... Кроме того, на этом дереве, было много маленьких золотых птичек, отделанных эмалью»...¹ Пока мастер изготовлял свой заказ, устроители праздника посылали по окрестным селениям, иногда даже по городам Ферганской долины, своих глашатаев (чарчй), которые на базарах объявляли о предстоящем празднестве и от имени его устроителей приглашали на него силачей (полвон), скоморохов (масхара, масхарабоз), певцов (ашулачй), танцоров (усулчй), наездников (пойгачй) и людей искусных в козлодранье (човандоз), желавших принять участие в выступлениях и в состязаниях на празднике. Приглашалась на праздник и труппа канатоходцев (дорбоз). Для приглашения гостей из других мест посылались специально люди или писались письма.

В то же время для торжественной процессии мастерами-плотниками делалось по заранее сделанному эскизу изображение слона (фил) с хоботом и бивнями или дракона (аждахор).

Оно представляло собой остов из тонких жердей, обтянутый материей и укрепленный на досчатой площадке с четырьмя колесиками. Макет слона обтягивался чёрной бязью, называвшейся «суфи сиёх» или «шерча». На спине слона устраивалось седло (тукум), на которое сажали куклу, изображавшую легендарного Рустама (Рустами достон). В одной руке Рустама была укреплена сделанная из полой тыквы и окрашенная краской, а иногда и обтянутая фольгой традиционная палица (гурз). Кукла была насажена на шест, пропущенный через спину слона внутрь макета, где стоял человек и поворачивал фигуру всадника.²

Одновременно с этим изготовлялось достаточное количество ракет (мушак), римских свечей (тарфи дастй), вращающихся колесом бенгальских огней (чархак), просто бенгальских огней (махтоби) и др. приспособлений для фейерверка, делалась заготовка продуктов для угощения гостей, а также подбирался и соответствующий персонал, обслуживающий празднество. Для соблюдения порядка во время процессии и увеселений назначались распорядители, называвшиеся «ясавул», числом до 9, которыми командовал «ясавулбошй». Ясавулы были пешие, а их начальник ездил верхом на лошади.

Для наблюдения за приёмом и угощением гостей в доме устроителя празднества приглашался специальный человек, называвшийся «дастархончй», следивший за соблюдением этикета, распределявший кушанья и места для гостей и руководивший прислужниками (ходим), разносившими гостям угощения. Кроме того, из ближайших родственников назначались несколько главных распорядителей (туйбошй), наблюдавших за празднеством в целом.

¹ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг., СПб., 1881, стр. 308.

² Фигуры различных животных, передвижные минареты, киоски с сидевшими в них красивыми юношами-певцами делались ремесленниками во время празднеств при дворе Тимура. См. Беленицкий А. М., Цитир. работа, стр. 191, 193-195.

Когда все приготовления были закончены, в ближайший четверг происходил последний семейный совет, на котором окончательно устанавливался порядок проведения праздника. На следующий день, т. е. в пятницу, устраивалось «хатми куръон» (прочтение корана), на которое приглашались наиболее влиятельные лица и несколько мулл, в обязанности которых входило прочтение в этот день корана от начала до конца. Всё это сопровождалось угощением приглашённых и вознаграждением чтецов корана одеждой, деньгами, хлебными лепёшками и блюдами с пловом. В субботу приготавливались к главному угощению всех собиравшихся на праздник гостей и односельчан, называвшемуся «оши калон» и устраивавшемуся на следующий день, т. е. в воскресенье. Жители селения заранее оповещались и приглашались на угощение через прислужников мечетей (суфй), которые в мечетях объявляли о месте и времени угощения. На угощение ходили по одному разу, собравшись по приходам каждой мечети отдельными группами. Однако если устроители праздника приглашали жителей селения сделать второй визит, то полагалось ходить и вторично. Без приглашения на угощение ходить не полагалось.

Ко дню «большого угощения» все приглашённые гости, прибывшие из окрестных селений и городов, были размещены по каравансараям и по частным квартирам, которые для этого случая устроители праздника просили хозяев предоставить в их распоряжение. Всем приезжим гостям устроитель туя выдавал «кунук», т. е. дневное пропитание натурой и фураж для лошадей. Приезжие размещались по мехмонхонам группами по 10-12 человек, и им выдавалось по 1 барану, достаточное количество рису для приготовления плова и соответствующее количество лука и моркови. Для обслуживания гостей и приготовления плова в каждой мехмонхоне к гостям приставлялся специальный человек. Кроме того, каждое утро к завтраку из дома устроителя в каждую мехмонхону для гостей доставлялась одна корзина свежих лепёшек, вмещающая 50-60 шт., а также фрукты, обычно сушёные, и сласти к чаю.

В воскресенье, в день «большого угощения», приглашённые по очереди группами приходили в дом устроителя туя, где у ворот их встречали многочисленные прислужники (ходим), проводили в дом и рассаживали на расстеленные кошмы, паласы и ковры, поверх которых были положены узкие стёганные одеяла — «курпача».¹ При определении места гостей и подаче им угощения принимались во внимание их чины и ранги, их имущественное и общественное положение. Сперва гостям подавались хлеб, сладости и чай, за которыми следовал традиционный плов. Кроме того, каждому гостю давалось по несколько хлебных лепёшек, которые он уносил домой.

Наиболее почётным гостям, главным образом, причту мечети, число лепёшек увеличивалось и прибавлялось ещё по блюду плова.

Освободившееся после очередной группы гостей место тут же занималось уже подошедшей другой группой, церемония угощения которой

¹ Как нам пришлось наблюдать в 1951 году на большом свадебном туге в Чкаловске, вся процедура приёма и угощения гостей, несмотря на большое скопление народа, проходила без какой-либо суматохи, криков и суеты. На большом дворе, где принимали гостей, одновременно сидело и угощалось около 13-15 групп гостей, каждая из которых состояла из 5-8, иногда 10 человек, и хотя гости и вели между собой оживлённую беседу, это делалось не в полный голос, никакого шума, суматохи не было и в помине. На угощение одной группы гостей в среднем требуется около полутора-двух часов времени, а может быть и меньше (особенно задерживаться считается не совсем тактичным). Повидимому, многовековая практика выработала свои очень четкие формы организации подобных приёмов гостей.

происходила таким же образом, как описано выше. В этом проходил первый день празднества.

Большинство прислуживающих при угощении гостей во время туя выполняли эти свои обязанности на добровольных началах, ибо это считалось богоугодным делом (кори савоб). Обычно прислуживающими были бедные родственники устроителя туя.

Вечером в воскресенье, после приёма гостей, заканчивались последние приготовления к завтрашнему дню, когда уже начинались увеселения и приготовленные разноцветные деревья — «гул» выносились из дома устроителя в сопровождении целой процессии.

В понедельник утром все приезжие гости и участники увеселительной части туя, позавтракав каждый там, где ему отведено место для ночлега, шли на второй завтрак в дом устроителя празднества, где для них был уже приготовлен плов. Этот порядок соблюдался во все четыре дня недели, начиная с понедельника.

После завтрака, часам к двум дня происходил первый выход праздничной процессии. За порядком шествия следили 9 пеших ясавулов и их начальник — «ясавулбошй». На ясавул'ах были надеты кольчуги (зирех), «ясавулбошй» был в латах (чороина), а лошадь его была покрыта, как попоной, вышивкой (сўзанй).

Процессия выходила из дома устроителя туя, проходила через крытый базар, расположенный на центральной улице селения, и направлялась к «хаузи кал ёрак». Она представляла, повидимому, красочное зрелище. Во главе процессии шли четыре музыканта с большими, до 2-х метров длиною, блестящими медными трубами (карнай) в сопровождении группы певцов, распевавших песни. За ними «ехал» скоморох на деревянной лошадке «аспак», вслед несли «гул» — дерево с яркими, вырезанными из разноцветного шёлка и перевитыми блестящими нитями канители ветками с листьями, цветами и изображениями птиц. Вслед за деревом «плыла» лодка (кема), в которой под балдахинном «сидел» бача — молодой красивый юноша.

А. Л. Троицкая в цитируемой нами работе пишет: «Лодка устраиалась следующим образом: делали легкую деревянную раму в форме челнока с круглым отверстием посредине; над отверстием устанавливали купол на четырёх столбиках, заканчивающийся полумесяцем; челнок богато украшался тканями, которые покрывали поверхность рамы и свисали с боков до земли; на носу челнока вытачивали голову дракона. Бача влезал в отверстие в челноке и удерживал его на уровне талии при помощи помочей, прикреплённых к челноку. Впереди перед бачой клали фальшивые ноги, так что получалась полная иллюзия сидящего в лодке человека. Оташ-кема богато украшали фонариками.

На богатых туях и ханских празднованиях бачи выступали вереницей, плавно покачиваясь, подражая движению плывущих лодок».¹

С каждой стороны лодки шёл один певец. Вслед за тем несли второй «гул», за которым опять «плыла» лодка с бачей, а за ними несли и третий «гул» в сопровождении третьей лодки. За лодкой следом несли «царский трон» (тахти поччо), за которым шли 6 «дойрачй», игравших на бубнах, певцы и танцоры в сопровождении группы скоморохов, которые исполняли комические танцы, шли на руках, кувыркались, ехали верхом один на другом. Их группу заключал ехавший на лошади «царь» — (поччо) или, по другой версии, «ранс» с огромной чалмой на голове и с надутым бычьим мочевым пузырем в руках, которым он щедро наносил

¹ Цитир. работа, стр. 78-79.

удары налево и направо, попадая и по своим «подчинённым» и по зазевавшимся зрителям, окружавшим шествие. За «царём» погонщик «вёл» слона. Погонщик (филбон) был одет в вывернутую мехом наружу киргизскую овчинную шубу и подпоясан верёвкой, на голову его была надета задом наперёд меховая же шапка, а в руках он держал ярко раскрашенный посох, которым «погонял» слона. На слоне под балдахинном сидел «Рустами достон» и повёртывался по сторонам.

Как нам сообщили, на одном подобном празднестве, устроенном лет 75 тому назад по поводу обрезания сына одного крупного ишана, вместо слона вели двух яков (корову и быка), присланных ишану в подарок (тўёна) его мюридами, повидимому, из Алайской долины. В других случаях вместо слона делали макет сказочного дракона. Любопытно, что в кукольном театре, описанном М. Ф. Гавриловым, в представлениях тоже принимали участие фигуры слона, змеи-дракона и других.¹

Громкие звуки труб и музыкальных инструментов смешивались с пением песенников и треском и выстрелами ракет и римских свечей, с шипением вертящихся колёс из бенгальских огней. Ясавул'ы сопровождали процессию, идя по обеим её сторонам.

К прибытию процессии на место в «хаузи кал ёрак» зрители уже обычно занимали места по довольно крутым, порою обрывистым краям впадины. Наиболее почётная публика располагалась на расстеленных в одной стороне дна впадины паласах и коврах.

По прибытию процессии разукрашенные деревца «гул» и слон (или дракон и пр.) ставились в сторонку, ибо они, кроме декоративного значения, «дигар хунар надоран» — «другими талантами не обладают». Трон ставился на видном месте и на нём усаживался «поччо» — красивый бача.²

Когда все размещались, выступали бачи, которые пели и танцевали. Затем начиналась борьба (гуштангири), в которой мерялись силами съезжавшиеся на туй атлеты.

После борьбы выступали скоморохи. Они изображали отдельные сценки, пантомимы и фарсы. По словам осведомителей, все их выступление носило пародийный характер. Они представляли проделки раиса, ишанов, шейхов, посещения последних женщинами, сцены сороты мужа с женой и пр. А. Л. Троицкая довольно подробно останавливается в своей работе на содержании и тематике фарсов, разыгрывавшихся кызыкчи в Узбекистане.³ Наши записи лишь подтверждают, что и в Кыстакосе содержание сенок и фарсов было таким же, таким же оно было и у кулябских таджиков.⁴

Представление заканчивалось на закате солнца, и вся процессия направлялась в дом устроителя туя в том же порядке, в каком она прибыла утром. До вечера делался перерыв, в течение которого участникам представления и наиболее почетным гостям устраивалось угощение (зиёфат) в доме устроителя туя, а остальные приезжие гости обедали в отведённых им местах для ночлега, после чего все выходили пить чай в многочисленные чайханы (самовор), находившиеся

¹ См. Гаврилов М. Ф., Кукольный театр Узбекистана. Изв. Ср.-аз. комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, вып. III, Ташкент, 1926, стр. 113.

² Функции последнего не выяснены. Повидимому, он выполнял обязанности распорядителя представления.

³ Цитир. работа, стр. 83-84.

⁴ См. Нурджанов Н., Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулябской области). Автореферат, М.—Л., 1951.

на главной базарной улице. Иногда там бывало такое большое скопление народа, что мест в чайханах для всех не хватало и поэтому рядовым жителям Кыстакоза приходилось пить чай, просто сидя на земле около чайханы, уступая чайханы богатым и их гостям.

После наступления темноты вся процессия опять выходила в «хаузи кал ёрак», где до поздней ночи происходил «базм» — пляски бачей и выступления музыкантов и певцов. На этот раз слона, как громоздкую вещь (чизи кўпал), не вывозили. Базм продолжался до глубокой ночи. Для освещения зрелища зажигались «каллакунчора» — большие куски льняного жмыха, наполнявшие воздух копотью и чадом. Для освещения же процессии при её передвижении употреблялись факелы (машъал) из пропитанных растительным (чаще льняным) маслом тряпок, навязанных на шесты.

На следующий и на третий день, т. е. во вторник и в среду, вся процессия в том же порядке направлялась на «улоқчо» — место, где происходило козлодранье (улоқ).¹

Там к этому времени многочисленные арбы съехавшихся на зрелище гостей устанавливались в форме ориентированного по странам света прямоугольника, западная сторона которого оставлялась открытой. Вдоль ряда арб, установленных по восточной стороне каре, бывшей длиннее двух других, т. е. южной и северной сторон, расстилались кошмы и паласы, на которые рассаживалась наиболее почётная публика. Остальные зрители располагались прямо на земле вдоль двух других сторон каре. Во «втором ярусе», т. е. на арбах, сидели большей частью женщины. Имевшие возможность приехать на зрелище верхом смотрели с коней, стоя за арбами и образуя как бы «третий ярус» этого своеобразного амфитеатра.

В центре западной, т. е. открытой стороны каре ставился низкий и большой шкаф (чивон), на котором раскладывали призы, представлявшие собою халаты, самовары, медные кувшины (куза), шелковые платки и пр. Призы раздавались борцам (гўштангир), соревнования которых происходили в эти два дня, а главные призы, в виде лошади, иногда пары быков, запряжённых в ярмо, верблюда, предназначавшиеся победителям в скачках «пойга», приводились и привязывались в сторонке.

Три «гул» и «тахти поччо» ставились перед гостями, слон же ставился в стороне.

Начинались соревнования борцов и происходило козлодранье. Иногда устраивали бой верблюдов. Позади каре размещались выезжавшие туда на эти дни чайханщики со своими самоварами, расстилали паласы и кошмы и открывали свою торговлю. Наиболее почётной части публики, сидевшей на парадных местах и наблюдавшей за ходом борьбы и козлодранья, чай подавался бесплатно из чайханы, организованной для этого организаторами празднеств. Остальная часть зрителей пила чай за свои деньги в чайханах позади каре. Тут же около походных чайхан располагались многочисленные торговцы сладостями, орехами, миндалем, фисташками и прочими лакомствами, отпускавшие на ручных весах свои товары. Образовывался своеобразный базар, гул и шум которого смешивался с криками одобрения зрителей, наблюдавших

¹ Это место находилось в местности «Кофарроха», расположенном примерно в одном или полутора километрах от центра современного селения Чкаловск, по направлению к Ленинабаду по современной автомобильной дороге, на территории колхоза им. Маленкова.

соревнования. Шашлычники расставляли свои жаровни, чад которых наполнял воздух.

Программа обоих этих дней, т. е. вторника и среды, заканчивалась скачками, участники которых (пойгачи) вместе с двумя распорядителями, являвшимися либо родственниками хозяина туя, либо уполномоченными им влиятельными лицами селения, вроде «оқсақол»а и т. п., в эти дни с утра выезжали на своих конях километров за пятнадцать по направлению к Ленинабаду, где на берегу канала Унджи, около местности, до сих пор носящей название «суфа царя» (сурфи поччо),¹ находился старт скачек (сари марра). Лошадей выстраивали по начерченной на земле линии так, что она приходилась им посередине живота. Скакали без седла и уздечки, держась левой рукой за гриву лошади, а в правой держали плётку (камчин). Иногда на шею лошади повязывали поясной платок, служивший своеобразным средством управления лошастью. Каждому наезднику перед началом скачек давали по небольшому куску красной материи, называвшемуся «ялоу». Каждый из наездников должен был положить его на финише (марра), которым служил тот самый шкаф (чивон) с призами, поставленный в центре каре, о котором упоминалось выше. Сёдла, уздечки и другая снятая с коней сбруя грузились на арбу и отправлялись в Кыстакоз. Выстроившись в ряд, наездники стартовали по сигналу одного из двух распорядителей, которые тоже скакали вслед за соревнующимися для наблюдения. Наездники на полном скаку приближались к каре и, осадив коней перед «жюри»—туйбоши, сидевшим около «чивон»-а с разложенными призами, бросали «ялоу». Наезднику давался приз, величина и стоимость которого зависела от того, какое место занимал тот в соревновании. Призы получали все принимавшие участие в скачках.

После окончания скачек дневное развлечение считалось окончанным, публика расходилась и разъезжалась, а процессия возвращалась в дом хозяина туя. Вечером повторялась программа предыдущего вечера в том же «хаузи кал ёрак». На четвёртый день туя, т. е. в четверг, празднество происходило на площади около базара, на территории, где сейчас построено здание школы-десятилетки. Главным содержанием развлечения на этот раз было выступление канатоходцев (дорбозо). Накануне на этом месте воздвигалась мачта с натянутым к её вершине канатом — «дор». Устройство «дор»-а и выступления канатоходцев подробно описаны у А. К. Боровкова.²

Дорбоз'ами являлись, по словам наших осведомителей, узбеки из Коканда. Перед выступлением канатоходцев, которым завершались

¹ Суфа — глинобитные нары для сидения и сна.

² См. Боровков А. К., Дорвот, Ташкент, 1928, стр. 174. Нам кажется лишь странным, что А. К. Боровков в цитируемой нами работе как самое искусство канатоходцев, так и большую часть развлечений, вроде кукольного театра и др., приписывает персам, мотивируя это «персидским» названием самой игры и легендарной её связью с шиитским пророком Алием, забывая, что все эти явления издавна бытуют как на территории современного Узбекистана, где он и наблюдал канатоходцев, так и в Таджикистане, где знают это искусство и считают его совсем не иноземным. Странно и то, что все приведенные А. К. Боровковым в своей работе стихи, которыми канатоходцы сопровождают свою «персидскую» игру, почему-то сложены на узбекском языке.

Искусство канатоходцев «дорбозий» издавна известно в Средней Азии. Еще Клавихо писал, что на праздниках при дворе Тимура «перед царём были поставлены столбы с верёвками, на которые люди лазили и делали разные представления». См. цит. соч., стр. 298. Кстати сказать, в персидско-русских словарях М. Гаффарова (т. I, изд. 1914 г., Москва) и Б. Ф. Миллера (изд. 1953 г., Москва) слова «дорбоз» и «дорбозий» отсутствуют вообще.

увеселения последнего дня, происходили пляски бачей, во время которых зрители одаривали их деньгами, а устроитель туя — халатами. За ними следовала борьба. Канатоходцы выступали в заключение. После этого празднество объявляли законченным. По миновании празднества декоративные деревца «гул» либо сохранялись в доме, либо разделялись на отдельные веточки, которые дарились на память гостям. В отдельных случаях деревца продавались или дарились лицам, собиравшимся справлять «тӯи гулдор», или же продавались отдельными веточками. В Канибадаме, как нам любезно сообщила Е. М. Пещерова на основании собранных ею материалов, тоже сооружались подобные деревца как на празднестве по случаю обрезания, так и на свадьбах. В первом случае сооружалось одно деревцо и после окончания праздника его расхватывали собравшиеся, а для свадьбы устраивали три деревца и по окончании свадьбы ставили их в доме молодой для украшения.

На следующий день, т. е. в пятницу, для приглашенных иногородних гостей и наиболее почетных местных жителей устраивалось угощение, после которого и происходило само обрезание. Иногда обрезание откладывалось на несколько дней и происходило уже после разъезда гостей.

Подводя итоги сказанному, можно высказать следующие соображения.

Судя по большинству терминологии, которую нам удалось зафиксировать при записи сведений о проведении празднества «тӯи гулдор» в б. селении Кыстакоз, а также по персонажам участников театрализованной части празднества и её содержанию, можно предположить, что празднество «тӯи гулдор» является исконным таджикским. Следует всё же отметить, что такие же празднества с устройством театрализованных процессий и игр, судя по словам осведомителей, устраивались и в других местах Ферганской долины. Однако границы распространения празднества точно установить не удалось.

Несомненно также, что отдельные элементы театрализованной части празднества могли быть позаимствованы от других народов. Так, например, танец бачей в лодках, «введённый (по словам А. Л. Троицкой) в обиход при дворе последнего кокандского хана Худояра», приписывается ею китайскому балетному искусству.¹

Устройство празднества «тӯи гулдор» требовало больших расходов² и было доступно лишь отдельным представителям наиболее богатой части населения.

Мотивами для проведения такого парадного и дорого стоящего празднества по случаю обрезания ребёнка, которыми руководились устроители, с одной стороны, являлось честолюбивое стремление прославиться самому и прославить имя ребёнка, в честь обрезания которого устраивалось празднество, в особенности, если он был долгожданным. Иногда в честь одного и того же ребёнка устраивалось несколько «тӯи гулдор».

С другой стороны, проводя «тӯи гулдор», связанный с угощением почти всего населения кишлака и приглашаемых родственников и друзей из других селений, устроитель как бы расплачивался со всеми теми, у кого он в своё время был гостем на туях, устраивавшихся ими по

¹ См. Троицкая А. Л., цит. соч., стр. 79.

² Так, например по словам осведомителей, на угощение гостей во время празднования «тӯи гулдор», устраивавшегося жительницей Кыстакоза Зайнаб-додхо, было израсходовано 500 пудов риса и 1000 пудов муки, для размола которой имевшиеся в Кыстакозе 11 водяных однопоставных мельниц работали в течение 8 суток.

поводу обрезания своих сыновей. Это шло, повидимому, из требований той сельской общины, в условиях пережитков которой жил старый сугубо земледельческий Кыстакоз.

Традиция устройства театрализованных действий, соревнований, игр, скачек и выступлений певцов, музыкантов и танцоров на праздниках в Средней Азии весьма стара. Как мы упоминали, уже при дворе Тимура в Самарканде всякие торжественные приёмы и придворные праздники сопровождались устройством подобных чрезвычайно пышных и многолюдных увеселений, в которых принимали участие как широкие круги городских ремесленников, так и населения вообще.

Поскольку для этих увеселений устраивались, вопреки догме ислама, фигуры различных животных и людей, мы можем предположить, что истоки этой традиции, дожившей почти до наших дней, восходят еще к доисламским временам.